

Евгения ЛИБЕРМАН

«ТЫ БЕЗЗАБОТНАЯ, МОЯ ВЬЮГА»:

Хроники конца света в поэзии Насти Верховенцевой

Настя Верховенцева. Все спят не видя сна. – М.: Neomenia, 2026. – 56 с.

Первое, что хочется отметить при анализе текстов Насти Верховенцевой, – нахождение вещей не на своих местах: карга прядет табак, кроты вытаскивают на свет своих детей. Читатель видит высвобождение пространств из своих границ (*«скинутые обломки архипелага», «глаза-гусеницы», «дышишь на середине дыхания и никак не можешь надышаться»*). Перед нами хроника конца света, но катастрофичность мироощущения недостаточна: всегда ждешь, что произойдет что-то ещё. Этим поэзия Верховенцевой отличается, к примеру, от письма Игоря Булатовского с его временем конца: оба автора работают с апокалипсисом как с основным событием, но, тем не менее, в отличие от Булатовского, Верховенцева видит просвет в крошечном хаосе (*«Сегодня одиннадцать овец / ведут на убой»*). Ударения принципиально ставятся на другие слоги (*«наружу»*), чтобы передать ощущения, которые выходят за рамки литературного языка.

В этих текстах происходит рас-сотворение, как в поэзии Анастасии Кудашевой; все упущено, запущено, но не только и не столько в смысле заброшенности, запущен сам процесс движения и развития.

Рас-сотворяется и тело: ноги несут сами, ступни отступают, *«я буду лежать разобранным / ориентиром, розой мира лягу...»* Человек предстает максимально разобранным, на уровне животных, которых порубили и чье мясо продают: *«бараньи ребра, / лапки куриные, таз человеческий; / из околоплодных вод и / из крови расплавленной / вытекают железные отложения, / за рукав затекают»*. Всё стремится причинить лиросубъекту вред: *«я вижу раскиданные монетки, / превращающиеся в алую площадь, / красную, она, заливаясь, как кровь злая, / печёт мне набухшие руки», «и разбитые потолки в кончики пальцев»*.

Верховенцева далеко заходит в стремлении катастрофизировать и так плотную, сгущенную реальность: *«смерть всему зерну которое не всходит как бы я его / ни кропил...»* Приложено усилие, чтобы смягчить последствия, но смерть доминирует. Даже в утешении чувствуется катастрофа. Читатель становится свидетелем распада пространства на сотни мелких объектов (*«Синицами спало / небо», «те стрижи, которые поют, как ты / говоришь, как пьяные, для меня бьются в закрытые окна»*).

Земля – источник познания, все завязано на ней: ее слушают, к ней прикасаются, от неё черпают силы, на ней все и завершается, как в стихотворении *«этот день никогда не закончится»*, где представлена картина похорон. Беспамятство – грех, за который следует наказание – привязывание к земле: *«и на ресницах несодранные комья, / накопившиеся от непробудного сна, / превращаются в сгустки грязи / земли оторопелой земли никому не нужной»*.

Ветер, априори самая свободная и самая живая из стихий, тем не менее становится зависимым, подчиняется чужой воле, но он же и вырывается на свободу и начинает разрушать: *«проходит / в горло вместе с сбивающимся / на потолке вентилятором. Я / вижу следы – лопасти падают / вместе с кожей ключьями, / и лепечут на языке, / накинута наспех на ветер»*.

Книга Насти Верховенцевой будто бы объясняет стихии, отчасти отождествляя их со всадниками апокалипсиса, отчасти показывая, что за всеми изъятиями земли, воздуха, воды и огня стоим мы – люди.